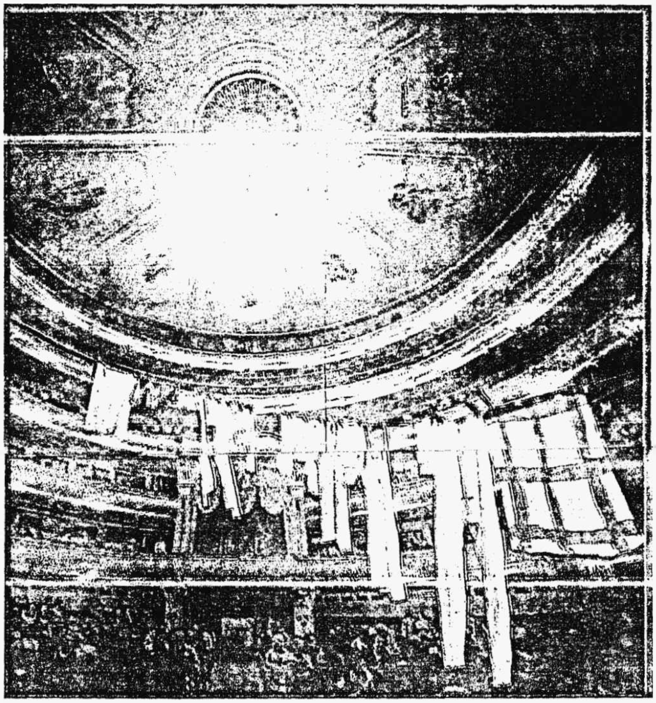
То, что мы называем жизнью, жизнью не является.

6 □ Собеседник 43'93

Я люблю тебя, НЕЖИЗНЬ!

Театр в эпоху чрезвычайного положения



В нашей стране очень любят всякие легенды. Наш народ воспитан на легендах и верит им куда больше, нежели собственным глазам. Совсем недавно я слышал по телевизору сатирика, который шутил по поводу очередей в магазинах. Это очередная легенда: очередей нет. Народ, однако, смеялся. И над тем, что достать ничего нельзя — тоже хохотал. Вранье! Все можно достать. Кроме денег. Но это уже совсем другая история.

Одна из таких легенд звучит емко и жутко. Театр погиб (воскл.). В театр никто не ходит (два воскл.). Театр никому не нужен (три воскл., всеобщий плач, вой, рыдания, шаги уходящих людей, которые при слове «театр» хватаются за собственное лицо, чтобы прикрыть зевок скуки).

Если вы думаете, что я сейчас начну вопить: «Нет! Нет! Неправда! Театр всегда живее всех живых! Во всяком случае, он куда живее вас, которые, вместо того чтобы жить нормально, все время придумывают разную сомнительную развлекаловку — то референдум, то выборы, то путчи...» — нет, кричать не начну, потому что не люблю, и вообще не приветствую широко открытые рты. Кажется вам, что театр погиб? Пожалуйста, согласимся. Но какой театр?

Обратимся к классикам. У Михаила Жванецкого есть среди прочих классических и такая замечательная фраза: «То, что мы называем сметаной — сметаной не является». Афоризм этот можно расширить. Более того, его можно расширять бесконечно (во всяком случае, в масштабах одной, отдельно взятой страны), и тогда, в финале расширения афоризма, придем к выводу: то, что мы называем жизнью — жизнью не является.

Собственно, это главный итог жизни страны. Сначала вместо жизни предложили красивую идею, потом идея поизносилась, утонула в крови, и вот вам пожалуйста: ни жизни, ни идеи — ничего. Но что же остается, если жизнь перестает быть предметом первой необходимости? Правильно: остается НЕЖИЗНЬ. То есть остается ТЕАТР. Чтобы жена (условно-театральная кликуха любой девушки, которая идет с вами в театр — так солидней), так вот, чтобы жена платье надела и туфли, и самому чтоб галстучек нацепить и прийти туда, где горят фонари у входа: нас здесь ждут! нам здесь рады! — и пьяных нет, и бутерброды с колбасой. И здесь уже никого не волнует «Протокол одного заседания», потому что все знают, чем это заседание кончилось. И «Диктатура совести» как-то не слишком уж будоражит, потому что диктатура — она диктатура и есть, как ее красиво ни называй. Да и призыв «Говори!» сегодня очень сильно стал раздражать.

Да, ребята, погиб театр реалистический, который брал за основу одно: правду жизни. Погиб театр, который поверялся жизнью — жизнью и только ею: чем больше жизни в пьесе — тем больше премий у автора. Теперь же зритель приходит в театр, чтобы увидеть НЕЖИЗНЬ, чтобы спастись от всего того бреда, который окружает его и который не то чтоб невозможно понять, а не хочется уже понимать, ибо у всякой социальной ахинеи должны быть какие-то границы, а тут нет.

Потрясающий факт. Уникальный, удивительный, вселяющий оптимизм. Когда в Москве было объявлено чрезвычайное положение — люди звонили в театры и просили не отменять спектакли, не переносить их. Театр казался спасением, наркотиком, если хотите. И театры жили во время чрезвычайного положения. И зритель ходил. А вы говорите: «Живой труп!» На себя гляньте — вечные выборщики, едренать... И я такой же — житель страны, которая все выбирает и выбирает, все референдит и референдит и никак не может выбрать чего-нибудь такое, чтоб жить в этом и хорошо себя чувствовать.

Впрочем, чего это я о неприятном? Оно все время так: начнешь о жизни — вмиг в голову всякие гадости лезут, начнешь про театр — вспомнишь про красивое, может, и не всегда разумное, и уж совсем не вечное, но доброе почти всегда. Злое к театру нынче не пристает. Чернуха успеха не имеет.

А что его имеет, успех-то? Ленком — потому что всегда талантливо, звездно и ярко. Звездные спектакли Леонида Трушкина, на которые критика пофыркивает, как стареющая дама на молодую красотку, а красотка знай себе сводит всех с ума. Спектакли Романа Виктюка.

Впрочем, о Виктюке — наверное, самом модном сегодня театральном режиссере — разговор особый. Широкий зритель знает его по таким работам, как «Служанки», «М. Баттерфляй», «Лолита». Может нравиться — может нет, но не замечать этот непонятный, нездешний, существующий по каким-то своим особым законам мир — невозможно.

Однако я иду в Театр имени Моссовета, где Виктюк поставил пьесу С. Коковкина «Мистерия», или к вахтанговцам на «Соборяне» (пьеса Н. Садур по Лескову), и у меня возникает ощущение, что это ставил какой-то другой режиссер. Все вроде мастерски, высокопрофессионально и... скучно. Потому как не про жизнь и не про нежизнь, а про проблему. Люди здесь существуют не сами по себе, а как доказательства некой авторской идеи и концепции.

Когда я смотрю «М. Баттерфляй» — понимаю, что такого никогда не видел и что никто в целом мире, кроме Романа Григорьевича Виктюка, ничего подобного придумать и поставить не мог бы. Когда смотрю «Соборяне» — понимаю, что такое видел, и многократно, на таком театре воспитывался и от такого театра устал.

Театр в эпоху чрезвычайного положения — добрый театр. Он протягивает своему зрителю руку: пойдем, мол, я поведу тебя в тот мир, где есть настоящие характеры, страсти и где у людей нет выбора, потому что страсть — безальтернативна.

Нынче даже скандалы на театре не удаются. То есть скандалы, может, и удаются сами по себе — грохота нет, резонанса. Как и любого, наверное, театрального критика, меня периодически просят написать в какую-нибудь газету что-нибудь скандальное. Теряюсь и не нахожусь. Не нахожусь нигде — даже в самой, казалось бы, скандальной истории прошедшего сезона с Театром на Таганке.

У вас не создалось ощущения, что скандал между Юрием Петровичем и Николаем Николаевичем так, по сути, и не вышел за стены театра? Что-то не бросилась наша хваленая театральная общественность защищать великого Мастера от его учеников, так все сложилось, что премьера у того же Захарова или Виктюка вызывала куда больший ажиотаж, чем вся эта скандальная история. И оно понятно почему. Действительно, был великий Театр на Таганке, и был великий режиссер Любимов. Они были настолько велики, что их именами, без сомнения, назовут эпоху — эпоха Театра на Таганке. Только вот чудится мне, что великий человек не должен сам себя ощущать таковым. Ростропович вернулся на родину, как изгнанный сын страны. Любимов — как мессия. Все были настолько рады приезду Юрия Петровича, что на такую мелочь внимания не обратили. И то, что спектакль «Живой»,— со всей его остротой, публицистичностью и проч.— это спектакль вчерашнего дня, тоже как бы из вежливости не заметили...

В этой истории, как мне кажется, самое неприятное то, что Любимов ничего не может доделать до конца. Он вернулся както не по-настоящему, репетировал наездами. Сделать так, чтобы «Доктора Живаго» увидела Москва, не вышло: сыграли несколько спектаклей, и — в путь. Даже театр он закрыл не до конца: мы, мол, закроемся, но гастрольную деятельность не прекратим, договоры у нас потому что подписаны. Слышь, московский зритель, с тобой подписан договор? Нет? Отойди, не суйся, для вас, дорогие мои москвичи, Театра на Таганке нет, а для некоторых других есть.

Это все неинтересно. Если бы Юрий Петрович спектакль какой-нибудь новый поставил, было бы интересно. И то, как Соловьев в «Новой Таганке» поставит «Чайку» — интересно. А скандалы театральные — мимо цели. У нас уже скандалы, плавно переходящие в танковый обстрел, вот где сидят. И даже еще глубже.

Но вот о чем надо договориться: вне зависимости от того, нравится нам или нет, как ведет себя Юрий Петрович сейчас,— ту Таганку, на чьих спектаклях мы все воспитывались, ту Таганку, где Высоцкий выходил рядом с Золотухиным и Филатовым, ту Таганку, которая была для нас глотком свободы,— чур, не забывать. Не надо перечеркивать все, что было. Нас театр чему учит? Правильно: доброте.

Да, не приживаются скандалы в сегодняшнем театре — такая вот для газетчиков незадача. Все, кто хотел разделиться — уже разделились и работают разделенные. Неразделенные тоже работают. И к тем и к другим народ ходит. Смотрит. Хлопает. Жизнь идет.

Последняя премьера в разделенном МХАТе — чеховском — пьеса Теннесси Уильямса «Молочный фургон не останавливается больше здесь». У этого спектакля нет режиссера — представьте себе — есть руководитель постановки В. В. Долгачев. Вообще, с режиссурой в этом спектакле — проблемы — ну и Бог с ними! Потому что есть выдающаяся актерская работа Татьяны Лавровой. По сути это спектакль-бенефис. Лаврова играет с такой отдачей, на таком трагическом надрыве, как в нынешнем театре вроде и не играют уже.

Не могу про ее героиню говорить словами: хорошая, плохая, положительная, отрицательная — это все для школьных учебников. Она — невероятная. В ней все намешано, и поэтому в ней поразительно интересно разбираться. Тут вот некоторые очень любят слово «театр» не по назначению употреблять: про — блаженной памяти — съезд начнут говорить и восклицают: «Это театр! Это театр!» Спокуха на палубе — не надо театр оскорблять. Когда истеричные люди что-то вопят (с трибун или без)— это не театр, это жизнь. Смотришь на таких «актеров» и вспоминаешь слова великого пролетарского поэта: «октябрята говорят: плоховатый мальчик». «Плоховатые мальчики» довели страну до крови не потому, что играли в театр, а потому, что играли в жизнь.

Смотришь на Татьяну Лаврову в мхатовском спектакле и понимаешь: настоящий театр — это мятущаяся душа, которая просит от нас сострадания и понимания.

Обратимся к классикам. Марина Цветаева писала, что жизнь сырьем на потребу творчеству не идет. Требовать от театра выполнения неких социальных функций — все равно что требовать от самолета, чтобы он подметал улицы. Можно, конечно, и самолет для этого приспособить, но ведь он для другого создан — чтобы народ перевозить на дальние расстояния и чтобы народ мог на улицы с высоты небес поглядеть, ибо с небес такое увидеть можно, чего, уткнувшись в грязную мостовую, не увидишь никогда.

Алла Сигалова смотрит на нашу жизнь с заоблачных высот, поэтому мелочи всякие не замечает. И слава Богу. Ее «Независимой труппе» вряд ли когда придется разделиться, ибо мало их очень. Несколько человек, которые будто и не спектакль играют, а, собравшись вместе, начинают жить какой-то странной, не совсем понятной жизнью — драматические артисты играют пластический спектакль — шутка ли!— и вовлекают в эту жизнь нас. Владимир Максимов — замечательный театральный художник — создает тот единственный мир, в котором только и можно так странно существовать, а Алла Сигалова и артисты ее труппы то ли танцуют, то ли пантомимой занимаются, то ли просто на удобном им языке рассказывают о великой певице Марии Каллас. Спектакль называется «LA DIVINA». Некоторые критики начали тут рассуждать: и отчего это на сцене двое детей бегают, и на что именно из жизни великой певицы намекает Алла Сигалова в том или ином пластическом эпизоде? Смешные какие. Не идет жизнь сырьем на потребу творчеству — еще раз повторяю для непонятливых. Сигалова не биографический спектакль поставила — это ее собственный взгляд на судьбу Марии Каллас, не биография, а образ судьбы.

Впрочем, Бог с ними, с критиками, о них говорить — только раздражаться. Они ведь до сих пор относятся к театру, как к грузинской кухне: им построй блюда подавай. Сигалова хотя бы пользуется постоянным вниманием критики (не пониманием, так хоть вниманием), а вот поставил Михаил Ефремов на Малой сцене все того же «чеховского» МХАТа «Урок женам» Мольера — и спектакль почти не заметили. Постановка эта вообще вне нашей жизни — просто веселая комедия про людей, про их страсти, беды, нелепости и победы их жизни. Прибавьте к этому прекрасную игру актеров — и вот вам, пожалуйста, пример настоящего театра. Не замечают...

Театр — искусство обмана, а не отражения. Драматург — сочинитель, а не хроникер. Но он так обманет, он такое сочинит, что вы и о себе задумаетесь, и о времени своем.

Нынче такие странные времена наступили, что если на вопрос: «Как дела?» — отвечаешь: «Отлично», про тебя непременно подумают, будто ты собрался уезжать. Нынче время нытья, истерик и создания всяких легенд.

Не надо ныть по поводу театра. Театр вышел на верную дорогу. Как еще совсем недавно модно было говорить: процесс пошел. Причем в нужном направлении.

И в театре ныть не надо. Обратимся к классикам. Великий итальянский режиссер Джорджо Стрелер считает, что «всякое великое искусство счастливое. Оно призывает человека быть счастливым, помнить о невероятности и неповторимости его судьбы, верить в возможность радости, в свою активную способность изменять мир, быть верным и дружественным самому себе и другим людям».

К этому трудно что-либо добавить. Ну, может быть, только свою абсолютную уверенность в том, что театр — это именно то дело, которым в сегодняшнем сумасшедшем, абсурдном, злом мире стоит заниматься.

Замены театру нет и, судя по всему, не придумается уже никогда.

У вас есть лишний билетик? Так отдайте его кому-нибудь. Приобщите людей к радости.

Андрей МАКСИМОВ.
Коллаж Валерия ЗЕМЦОВА.